

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА*Дедушкина Татьяна Александровна,**ст. препод.**Национальная академия Службы безопасности Украины*

В статье рассматриваются существующие в современной лингвистике подходы к толкованию термина *языковая игра*, функции языковой игры, которые способствуют ее широкому употреблению в различных видах дискурса.

Ключевые слова: языковая игра, лингвокреативная деятельность, языковая норма, речевая норма.

Феномен игры рассматривается с различных позиций учеными-философами, культурологами, психологами, педагогами. Философы рассматривают игру как продукт общества: игра – элемент культуры, через игру происходит социализация личности (Г. Спенсер, В. Вундт, Й. Хейзинга и др.). Игра представляется неким символом, моделью особого поведения и нестандартного отношения к происходящему.

Термин "игра" обозначает различные, порой мало схожие между собой явления, которые изучаются в психологии, педагогике и даже в физиологии.

Частным видом игры, проявляющейся в речевой деятельности, выступает языковая игра (далее – ЯИ). Понятие языковой игры было введено австрийским философом Л. Витгенштейном, который называл ЯИ любой вид деятельности, связанный с языком. В его толковании языковая игра предстает как "...целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен" [Витгенштейн 1985, 79]. Термин "языковая игра" в современной науке получил двойное толкование: первое – широкое, философское (вслед за автором), второе – узкое, собственно лингвистическое (особый вид речевой деятельности, связанный с осознанным нарушением норм).

Явление языковой игры стало предметом пристального внимания лингвистов только в конце XX века, что, очевидно, было связано с тем, что языковая игра вышла за рамки художественной литературы и разговорной речи и стала широко распространена в рекламе, СМИ, языке политиков и юристов. Это, в свою очередь, связано с процессами демократизации общества, что не могло не отразиться и на языке.

Цель данной статьи – проанализировать существующие в современной лингвистике подходы к толкованию понятия *языковая игра*. **Задачи** статьи: 1) проанализировать различные определения термина "языковая игра"; 2) рассмотреть функции языковой игры, которые способствуют ее широкому употреблению в различных видах дискурса.

В последние десятилетия XX – начале XXI века в лингвистике появилось много исследований, посвященных рассмотрению особенностей употребления языковой игры в различных видах дискурса: разговорном (Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова) художественном (О. Аксенова, Т. А. Гридина, Б. Ю. Норман, В. З. Санников, А. В. Усолкина, Т. В. Устинова), масс-медийном (С. В. Ильясова, Л. В. Лисоченко, О. В. Лисоченко), рекламном (Л. П. Амири). Начинают появляться статьи, посвященные вопросам употребления языковой игры в политическом дискурсе (Т. Бочарова) и интернет-дискурсе (М. С. Рыжков).

Трактовка ЯИ неоднозначна. Разные авторы вкладывают в этот термин подчас не вполне одинаковое содержание. Так, Т.А. Гридина [Гридина 2002] связывает ЯИ с креативной речедетельностной активностью языковой личности. "При осознанном нарушении языкового канона мы имеем дело с ЯИ как особой формой лингвокреативной деятельности, отражающей стремление (интенцию) говорящих к обнаружению собственной компетенции в реализации языковых возможностей – при понимании условности совершаемых речевых ходов, но в то же время рассчитанных на "опознавание" реципиентом негласно принятых правил (игрового кода) общения. Эти правила "выводимы" только при опоре на языковой стереотип, опрокидывание которого и составляет парадокс восприятия соответствующей тактики (приема, сценария и т.п.) ЯИ. Будучи особой формой лингвокреативного мышления, имеющего ассоциативную природу, ЯИ всегда нацелена на использование лингвистических приемов, подчеркивающих парадокс между стандартной формой и/или значением знака (а также принятым алгоритмом его образования и использования) и новой ассоциативной обработкой того или иного вида языкового знания" [Гридина 2002, 26].

Авторы монографии "Русская разговорная речь" Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова считают, что ЯИ "можно рассматривать как реализацию поэтической функции языка" чаще всего "в виде установки на комический эффект" [Русская разговорная речь 1983, 172-173]. Такое понимание ЯИ оценивается иногда как слишком широкое. Как отмечает В.З. Санников, под это определение подпадает вся художественная литература, "поскольку нет автора, который не стремился бы к большей языковой выразительности" [Санников 2002, 15].

Широкое распространение получила точка зрения В.З. Санникова: "Языковая игра – это некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая. При этом слушающий (читающий) также должен понимать, что это "нарочно так сказано", иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность или неточность. Только намеренная неправильность вызовет не досаду и недоумение, а желание поддержать игру и попытаться вскрыть глубинное намерение автора, эту игру предложившего" [Санников 2002, 23].

Схожее определение дает автор статьи "Языковая игра" в "Стилистическом энциклопедическом словаре" Н.В. Данилевская: "Языковая игра – определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя / читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект" [СЭС 2003, 657].

Иной точки зрения на ЯИ придерживается В.И. Шаховский, который считает, что ЯИ является отклонением от определенных правил, но в пределах нормы: "На настоящий момент совершенно ясно, что языковая игра не является злокачественным нарушением языковых и речевых норм. Она – результат их оригинального, нестандартного варьирования на базе креативной компетенции коммуникантов в определенном эмотивном дискурсе" [Шаховский 2008, 367].

Автор статьи "Языковая игра" в словаре-справочнике "Культура русской речи" А. П. Сковородников проводит систематизацию разнообразных подходов к ЯИ и отмечает, что необходимо проводить четкое разграничение между терминами "языковая игра", "игра слов" и "каламбур", которым даются следующие определения:

"Языковая игра – творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/стилистической/речеповеденческой/логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера". "Игра слов – разновидность языковой игры, в которой эффект остроты достигается неканоническим использованием слов и фразеологизмов (трансформациями их семантики и/или состава)". "Каламбур – разновидность игры слов, в которой эффект остроты (в основном – комической) достигается неканоническим использованием полисемантов, омонимов, паронимов, псевдосинонимов и псевдоантонимов" [Культура русской речи 2003, 802].

Таким образом, несмотря на разнообразие определений ЯИ, почти все исследователи сходятся на том, что ЯИ является разновидностью лингвокреативной деятельности, связанной с преднамеренным нарушением языковых и речевых норм и направленной на достижение определенного эффекта (стилистического, эстетического, комического и др.). Следует различать факты ЯИ и речевые ошибки. Н. В. Данилевская полагает, что критерием их разграничения является языковая компетенция говорящего: "В отличие от речевых ошибок ЯИ строится благодаря знанию системных языковых связей и владению стилистическими закономерностями употребления единиц языка, а также учету жанровой специфики речепроизводства. ЯИ имеет двойную направленность: это языковое и собственно речевое явление, ибо для реализации ЯИ первостепенное значение имеет умение творчески нарушить (перестроить) усвоенные модели стандартного употребления языка" [СЭС 2003, 657–658].

Следует также учитывать, что ЯИ достигнет желаемого эффекта только при условии, что слушающий / читающий готов к ее адекватному восприятию. На это, в частности, указывают Л. В. Лисоченко и О. В. Лисоченко, рассматривая ЯИ с позиций когнитивной лингвистики. "Когнитивная и прагматическая сущность ЯИ воплощается в единицах плана содержания, организуемых правилами, или условиями, ЯИ, которые заключаются в том, что ЯИ представляет собой оперирование декларативными и процедурными знаниями – фреймами и скриптами – языковой личности, под которыми нами понимаются неоперациональные (экзистенциальная, прагматическая, культурологическая, филологическая, а также лингвистическая) и операциональные (логические) пресуппозиции. Оперирование знаниями сопровождается апелляцией к декларативным (экстралингвистическим и языковым) знаниям (статичным фреймам), содержащимся в "индивидуальной когнитивной системе" адресата, и в вовлечении адресатом в процесс понимания речи – вывода нового знания – процедурных знаний (динамичных фреймов, скриптов), связывающих тем или иным видом логических отношений "видимый и слышимый текст с невидимым и неслышимым подтекстом" [Лисоченко 2000, 140].

ЯИ многофункциональна. Как отмечают большинство исследователей, самой важной функцией ЯИ является комическая. Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова считают, что помимо этой функции в разговорной речи ЯИ "может использоваться и как реализация эмотивной (экспрессивной) функции языка <...>, может выступать как средство "смягчения" речи <...>, может служить для более точной передачи мысли, для образной и выразительной передачи сообщения. И наконец, языковая игра может иметь изобразительный характер – служить для имитации человека, чьи слова передает говорящий, или для наглядного изображения ситуации говорения" [Русская разговорная речь 1983, 174 – 175].

В. З. Санников выделяет такие функции ЯИ: 1) языкотворческая: "Языковая игра – один из путей обогащения языка" [Санников 2002, 26]; 2) стремление развлечь себя и собеседника, а также стремление к самоутверждению; 3) маскировочная: "Шутка позволяет "замаскировать" сообщение и благодаря этому выразить те смыслы, которые (по разным причинам) находятся под запретом" [Санников 2002, 27].

Кроме того, ЯИ выполняет оценочную функцию, на которую указывают, в частности, Л. П. Амири, С. В. Ильясова [Ильясова, Амири 2009], В. И. Шаховский [Шаховский 2008], и связанную с нею манипулятивную функцию. Последние две функции ЯИ делают ее особенно привлекательной для рекламного, масс-медиа и политического дискурса.

Итак, в современной лингвистической литературе существуют различные подходы к толкованию термина *языковая игра*, равно как и отношений между языковой игрой и языковыми и речевыми нормами. Большинство лингвистов сходятся на том, что языковая игра является разновидностью лингвокреативной деятельности, связанной с преднамеренным нарушением языковых и речевых норм и направленной на достижение определенного эффекта. При этом языковая игра не должна восприниматься как речевая ошибка, а желаемый эффект будет достигнут только при условии, что слушающий / читающий готов к адекватному восприятию языковой игры, что, в свою очередь, зависит от уровня языковой компетенции говорящего. ЯИ многофункциональна. Среди основных функций языковой игры исследователи выделяют комическую, экспрессивную, оценочную и манипулятивную. Многофункциональность языковой игры и ее ориентация на достижение определенного эффекта обуславливают широкое употребление языковой игры в различных видах дискурса.

У статті розглядаються різні підходи до трактування терміну *мовна гра*, які існують у сучасній лінгвістиці, функції мовної гри, що сприяють її широкому використанню в різних видах дискурсу.

Ключові слова: мовна гра, лінгвокреативна діяльність, мовна норма, мовленнєва норма.

The article deals with different interpretations of the term *language game* in modern linguistics, as well as with functions of the language game that make it widely used in different types of discourses.

Key words: linguistic game, linguocreative activity, linguistic norm, speech norm.

Литература:

1. Аксенова О. Языковая игра как лингвистический эксперимент поэта (Лексика и грамматика в стихах Александра Левина) / О. Аксенова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levin.rinet.ru/ABOUT/Aksenova3.html>.

2. Бочарова Т. Имя политика как объект языковой игры / Т. Бочарова // Политическое поведение и политические коммуникации: Психологические, социологические и филологические аспекты : тезисы и тексты докл. науч.-практ. конф. – СПб. ; Красноярск ; Иркутск, 1994. – С. 25.
3. Витгенштейн Л. С. Философские исследования / Л. С. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16. Лингвистическая грамматика. – С. 79–97.
4. Гридина Т. А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность / Т. А. Гридина // Язык. Система. Личность. Языковая игра как лингвокреативная деятельность. Формирование языковой личности в онтогенезе. – Екатеринбург, 2002. – С. 26–27.
5. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. педагог. ун-та, 1996. – 225 с.
6. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – М. : Флинта, 2009. – 296 с.
7. Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М., 2003. – 840 с.
8. Лисоченко Л. В., Лисоченко О. В. Языковая игра на газетной полосе (в свете металингвистики и теории коммуникации) / Л. В. Лисоченко, О. В. Лисоченко // Эстетика и поэтика языкового творчества : межвуз. сб. науч. тр. – Таганрог : Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та, 2000. – С. 128–140 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://teneta.rinet.ru/rus>.
9. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта ; Наука, 2006. – 344 с.
10. Русская разговорная речь / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Наука, 1983. – 277 с.
11. Рыжков М. С. Людемы интернет-дискурса / М. С. Рыжков // Лингвистика: Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 6 (2). – С. 338–345.
12. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта ; Наука, 2006. – 696 с.
14. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 414 с.